

Об основных конфигурациях советской мысли в послесталинскую эпоху

Михаил Эпштейн

В кн. Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. Под ред. В. Ал. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2014 — С. 73-89.

Тот факт, что можно уничтожить философию... или что можно доказать, что философия уничтожает себя, - этот факт не имеет больших последствий. Если это настоящая философия, то она, как феникс, всегда восстанет заново из своего пепла.

Фридрих Шлегель. Атенеум. Фрагменты.

Чем тотальнее становится общество, тем сильнее овеществление ума и тем более парадоксально его стремление собственным усилием избежать овеществления.

Теодор Адорно. Призмы.

1. Три философских пробуждения

Одна из насущных задач современной российской мысли - исторически осознать свое советское прошлое, особенно его позднейший, послесталинский период. Наиболее полные истории русской философии, принадлежащие Зеньковскому, Лосскому, Левицкому и Копплстону, доводят материал до середины XX века.¹ Это и понятно: к тому времени

---

¹ Lossky, Nikolas O. History of Russian Philosophy. New York: International Universities Press, Inc., 1951; Zenkovsky, Vasily V. A History of Russian Philosophy. Transl. by G.L. Kline. 2 vols. London and New York, 1953; Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли, в 2 тт., Frankfurt/Main, Посев, 1968, 1981; Copleston, Frederick C. Philosophy in Russia From Herzen to Lenin and Berdyaev. Search Press, University of Notre Dame, 1986. Эти четыре наиболее обобщающих исследования завершаются разделами, посвященными, соответственно, Сергею Булгакову (1871-1944), Владимиру Лосскому (1903-1958), Льву Шестову (1866-1938) и Борису Вышеславцеву (1877-1954).

То же самое относится к антологиям и собраниям русской мысли: Russian Philosophy. Ed. by J.M. Edie, J.P. Scanlan and M.-B. Zeldin with the collaboration of G.L. Kline. 3 vols. Chicago, 1964, заканчивается разделом о русском и советском марксизме. Ultimate Questions: An Anthology of Modern Russian Religious Thought. Ed. by Alexander Schmemmann, Saint Vladimir's Seminary Press, 1977, заканчивается Сергеем Булгаковым; Франк С. Л. Из истории русской

завершился жизненный и творческий путь большинства философов русского зарубежья. Нельзя сказать, чтобы история позднесоветской философии 1960х -80х гг. вовсе оставалась без внимания исследователей; но она почти без остатка укладывалась в одно направление - "диалектический материализм" и изучалась под именем "советской философии", или "советского марксизма". Практически все сколь-нибудь обобщающие труды западных ученых, посвященные второй половине XX века в России, имеют дело только с марксизмом-ленинизмом, как бы воспринимая всерьез его претензии на философский статус.² Возможно, именно отдаленно западное, системно-рационалистическое происхождение советского марксизма делало его в глазах западных исследователей более узнаваемым явлением, чем те идеи и учения, которые развивались в русле других философских традиций.

Между тем традиция российского мышления не прерывалась даже в самое тяжелое для нее время, когда поколение мыслителей-изгнанников за рубежом завершило на исходе сороковых свою работу. В пятидесятые годы продолжают вести свои философские дневники Михаил Пришвин, скрестивший розановско-шестовскую исповедально-экзистенциальную линию с наследием русского космизма, и Яков Друскин, соединивший линию обериутского номинализма и абсурдизма с экзистенциально-диалектической теологией. Борис Пастернак воплощает свою религиозную философию истории в "Докторе Живаго", где ощутима его юношеская выучка мыслителя-импрессиониста неокантианской школы. Возобновляют философские труды, прерванные годами ссылок и вынужденного молчания, Алексей Лосев и Яков Голосовкер - философы-античники, в какой-то мере неоплатоники.

Тем не менее все это мыслители-одиночки. Но постепенно в 1950-е -60 е гг. в России складывается "предфилософская" ситуация - атмосфера интеллектуальной отзывчивости и общительности, тяготение к образованию неформальных кружков и семинаров, раздробление

философской мысли конца XIX и начала XX века. Антология, Washington - New York, Inter-Language Literary Associates, 1965, заканчивается Семеном Франком.

² Bochenski J.M. Soviet Russian Dialectical Materialism [Diamat].. Dordrecht - Holland: D. Reidel Publishing Company, 1963; Blakeley T.J. Soviet Philosophy: A General Introduction to Contemporary Soviet Thought. Kluwer Academic Publishers, 1964; Laszlo, Ervin, ed. Philosophy in the Soviet Union. A Survey of the Mid-Sixties. Dordrecht, Holland, 1967; Jeu, Bernard. La philosophie sovietique et l'Occident. Essay sur tendances et sur la signification de la philosophie sovietique contemporaine (1959-1969). Mercure de France, 1969; Callinicos A. Marxism and Philosophy. Oxford, 1983; Scanlan, James P. Marxism in the USSR. A Critical Survey of Current Soviet Thought. Ithaca and London, 1985; Dahm, Helmut; Blakeley, Thomas, and Kline, George L., eds. Philosophical Sovietology. The Pursuit of a Science. Dordrecht et al.:D. Reidel Publishing Company, 1987.

официальной марксистской философии на ряд школ и направлений, лишь номинально остающихся марксистскими. В целом к этому периоду можно отнести удачное выражение богослова Георгия Флоровского - "философское пробуждение". "Начинается философская жизнь, как новый модус или новая ступень народного существования... Именно философский пафос становится преобладающим в утопических грезах этих "замечательных десятилетий"... В тогдашнем поколении чувствуется некое неодолимое влечение к философии, какая-то философская страсть и тяга, точно магическое притяжение к философским темам и вопросам".³

Это сказано о России 20-30-х годов XIX века. Именно тогда русское сознание впервые пережило со всей остротой то, что Флоровский называет "распадением "внутреннего стремления" с "внешней действительностью"". Чаадаев, Иван Киреевский, Хомяков, Бакунин, Белинский, Герцен - такова эпоха первого философского пробуждения в России.

Второе философское пробуждение, после научно-позитивистского застоя, совершилось в конце XIX - начале XX вв. и ознаменовано именами В. Соловьева, Розанова, Мережковского, Бердяева, Шестова, Булгакова, Флоренского, Франка...

Наконец, после усыпительных десятилетий новой, советской схоластики, в России 1960-1980-х гг. происходит третье философское пробуждение. Книги и статьи Бердяева, Розанова, Шестова, Флоренского, распространяемые во всевозможных формах "самиздата", "тамиздата" и "тогдаиздата", таили в себе неизъяснимое очарование, которое никак не укладывалось в категории "понятно - непонятно" или "согласен - не согласен". Само прикосновение к ним уже было причастием к радости мыслящего бытия, к таинству самосознания и духовной свободы.

По замечанию Флоровского, первому философскому пробуждению предшествовала эпоха поэзии, которая была "культурно-психологическим магнитом" для предыдущего поколения русской интеллигенции 1810-1820-х. То же самое относится и к советской интеллигенции 1950-х - начала 1960-х годов, которая была одержима поэзией и находила созвучие своим устремлениям в стихах Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы... Уже к концу 1960-х гг. эти поэты стали уступать место властителей дум не другим поэтам, а мыслителям и ученым-гуманитариям, прежде всего, представителям серебряного века и русской эмиграции, но также и современникам - Михаилу Бахтину, Юрию Лотману, Сергею Аверинцеву, Мерабу Мамардашвили... Флоровский отчеканил формулу такого перехода, верную и для 1960х гг.: "Из поэтического фазиса русское культурно-творческое сознание переходит в фазис философский".⁴

---

³ Георгий Флоровский. Пути русского богословия. (1937). 4-е изд. Париж, YMCA-Пресс, 1988, сс. 234-235.

⁴ Флоровский, цит. соч., с. 236.

2. Направления послесталинской мысли

Далее мы попытаемся кратко охарактеризовать несколько основных направлений философской и гуманитарной мысли послесталинского периода.

(1) Гуманизированный и национализированный марксизм.

Господствующее направление в 1950-е годы - все еще марксизм, с воодушевлением открывший для себя раннего Маркса периода "Философско-экономических рукописей" и отчасти раскрепостившийся во внутренних дискуссиях по вопросам эстетики, диалектики личности и истории, деятельностного подхода и т.д. Эволюция советского марксизма в 1950-1980-е проходит в двух основных и все более расходящихся направлениях: 1) гуманизация марксизма, выразившаяся в работах Генриха Батищева, Эвальда Ильенкова, Олега Дробницкого, но так и не нашедшая пути к органическому слиянию материалистической философии общества с философией деятельной личности и потому уже в 70-е годы отдавшая инициативу персонализму с его отчетливыми антимарксистскими установками; 2) национализация марксизма, начатая работой Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" (1950) - эрозия классового подхода и замена его "органикой общественно-национального бытия", приводящая к попыткам синтеза марксизма с "просвещенным" почвенничеством (Арсений Гулыга, Юрий Давыдов, Юрий Бородай), а на исходе советской эпохи, в сочинениях Александра Зиновьева и Сергея Кургиняна, к концепции осиянного евразийской духовностью, "белого" коммунизма, который точнее было бы назвать красно-коричневым;

В 1960-е годы в России складываются новые направления мысли, которым марксизм, быстро заострившийся в послехрущевский период, постепенно уступает авансцену в общественном сознании.

(2) Неорационализм и структурализм.

Структурализм выдвинулся в конце 1950-х - начале 60-х, почти одновременно с параллельным движением на Западе. Структурализм возродил интерес к забытому и почти запретному наследию русского формализма и вместе с тем сблизил его с кругом новых дисциплин и теорий, развившихся уже после войны, - таких, как кибернетика, семиотика, общая теория систем. Работы Юрия Лотмана и тартуской школы хорошо известны на Западе, но в основном в рамках литературоведения и славистики; нам еще предстоит осмыслить философский потенциал этого направления и вписать его в систему сближений и отталкиваний русской и западной интеллектуальных традиций.

В 1950-60-е годы складываются разнообразные методологические школы и семинары, в которых видную роль играют Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Вячеслав Иванов,

Владимир Топоров, Георгий Мельников, Юрий Левада, Юлий Шрейдер и другие. Их сближает со структурализмом общая установка на системный подход и тщательная проработка методологических механизмов сознания, хотя философская основа таких устремлений к познавательной точности могла простирается от гуссерлевской феноменологии и логического неопозитивизма до буддийских теорий саморефлексии. Все эти школы: тартуско-московский структурализм Ю. Лотмана, В. Иванова и В. Топорова, методологию деятельности и организационные игры Г. Щедровицкого, феноменологическую рефлексию и самоанализ сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского, математические модели и вероятностный подход к языку и биосфере у В. Налимова - можно, с известной долей условности, объединить в направление неорационализма, или "неклассической рациональности", пользуясь выражением Мамардашвили. Все эти школы опираются на тщательный анализ сознания и на поиск тех свойств человеческой деятельности и окружающей действительности, которые адекватно открываются разуму или организуются разумом (логические и математические модели, бинарные оппозиции, методологические алгоритмы и рефлексивные процедуры и т.д.).

Разумеется, понятие "неорационализма" может вызвать опасение как чересчур общее, объединяющее слишком разных мыслителей - но такого упрека вряд ли может избежать любое обобщение, в защиту которого приходится использовать концепцию "семейных сходств" Л. Витгенштейна. То, что объединяет эти школы и этих мыслителей, - не столько общие, всем равно принадлежащие абстрактные признаки, сколько сходство их индивидуальных представителей. Сын похож на отца, отец на своего брата, и вот уже между племянником и дядей обнаруживаются черты сходства, которые позволяют причислить их к одной семье, хотя между ними мало общих черт. Мамардашвили и Пятигорский принимали участие в структуралистском движении, печатались в лотмановских сборниках; Щедровицкий и Мамардашвили вышли из одного методологического семинара; Налимов, как В. Иванов с В. Топоровым, разрабатывал математические модели языка, и т.д. Представляется, что по отдалении от этой эпохи типологическая общность всех этих мыслителей выступит на первый план, хотя и в широком диапазоне перехода от рациональности кибернетической (структурализм) к рациональности феноменологической (Мамардашвили) и даже мистически-сайентистского толка (Налимов).

(3) Философия национального духа.

В полемике со структурализмом и претензиями гуманитарного знания стать точной наукой обозначилось новое направление мысли, восходящее к славянофильству, - защита органических, сверхрациональных начал, постепенно отождествляемых со стихией русского национального духа. Это неопочвенничество поначалу занимало оборонную позицию по отношению к наступающему сциентизму (литературоведческие работы В.

Кожина и П. Палиевского), но впоследствии, особенно с начала 1980х годов, само перешло в наступление, сопровождаясь подчас антизападными эксцессами, рассматривая русскую историю и целостность народного бытия в аспекте их "внутреннего разложения" иноземцами, "малым народом" (И. Шафаревич). Философия национального духа питается многими подземными ключами русской культуры, включая крайне архаические, языческие напластования, и дает плоды как в более или менее эмпирически обоснованных учениях о биологических и географических факторах этногенеза (Л. Гумилев), так и в совершенно фантастических умозрениях и мифах фашистского, радикально-традиционалистского свойства, вдохновляемых наследием Рене Генона, Юлиуса Эвола и других теоретиков "Великой Традиции" (А. Дугин).

(4) Персонализм и либерализм.

Между крайностями структурализма и почвенничества с 1960-х годов пролегло еще одно направление русской мысли, которое более всего ориентировано на ценности индивидуального бытия, самосознание личности. Любые глобальные утверждения, произносимые как от имени всерасчлняющего точного разума, так и всеединящей национальной идеи, встречаются острой игрой парадокса. Персонализм и парадоксализм этого направления, ярко выраженного в эссеистике Андрея Синявского, Григория Померанца, Лидии Гинзбург, Иосифа Бродского, Андрея Битова, Бориса Хазанова, Бориса Парамонова, дополняется еще и плюрализмом, т.е. правом каждого индивидуального бытия на свою меру вещей и точку отсчета. В каком-то смысле здесь можно говорить о неолейбницианстве - заново пережитом своеволии монад в их разноголосом хоре; более близкими источниками являются Достоевский, Розанов, Шестов, европейский экзистенциализм от Кьеркегора до Камю. Сходная, но более политизированная и "просветительская" версия того же интеллектуального направления - либерализм - выражена в работах Андрея Сахарова, Александра Есенина-Вольпина, Аркадия Белинкова, Михайло Михайлова, Андрея Амальрика. Объединяются все эти авторы тем, что первоначально они ставят личность, несводимую ни к каким более общим понятиям и более достойным целям - в отличие от философов нации, структуры, культуры, деконструкции, и т.д. Диапазон этого направления - от религиозного персонализма Я. Друскина и Г. Померанца до светского либерализма А. Сахарова и А. Есенина-Вольпина, от постижения иррационального и мистериального ядра личности до рационального обоснования прав личности как основы социального и научного прогресса.

(5) Православная христианская мысль.

В 70-е годы русская философия все больше возвращается к религиозному самосознанию, которое начинает теперь определять постановку исторических, социальных, национальных проблем. Тон здесь задал Александр Солженицын, призвавший русский народ к покаянию, всемоограничению и духовному возрождению. Религиозная философия этой поры довольно четко делится на два направления. Одно

из них - православное - восходит к наследию восточных отцов церкви и подчас смыкается с богословием, хотя в то же время открыто диалогу с другими вероисповедными традициями и с миром европейской культуры: мтрп. Антоний Блум, о. Александр Шмеман, о. Александр Мень. В 1980-90-е приходит новое поколение мыслителей, переживших опыт обращения в середине своего жизненного пути и потому придающих новую остроту проблемам взаимодействия христианства со светской культурой, наукой, современными философскими и теологическими движениями: Виктор Тростников, Татьяна Горичева, Евгений Барабанов, Сергей Хоружий, Владислав Зелинский, Олег Генисаретский.

(6) Эзотеризм и космизм.

Другое направление религиозно-мистической философии - синкретическое или универсалистское, питающееся разнородными гностическими, оккультными, индуистскими, буддистскими, теософическими, языческими источниками и часто пытающееся их соединить с "безумными" идеями новейшей науки и техники. Наследие Николая Федорова, Константина Циолковского, Владимира Вернадского, Велимира Хлебникова, Николая Рериха, Даниила Андреева может считаться наиболее авторитетным в этом кругу. Тяготеющая к самоименованию "космизм" или "антропокосмизм", эта философия мыслит в крупных категориях "всечеловеческого разума", "ноосферы", "бессмертия", "всеобщего воскресения", "преображения и одухотворения природы", "завоевания вселенной", "звездного метакода" и т.п. В позднесоветское время такая философия, представленная именами Георгия Гачева и Светланы Семеновой, может считаться характерной для общественных умонастроений.

(7) Философия культуры

В 1970-е годы формируется еще одно направление - философия культуры, раскрывающая многомерность культурных миров и богатство их диалогических взаимоотношений. Идеи Михаила Бахтина о пограничности культур, а также образная метафизика Павла Флоренского, О. Шпенглера, Т. Манна, Г. Гессе, оказали решающее влияние на российскую культурологию, в лице таких ее представителей, как Сергей Аверинцев, Владимир Библиер, Дмитрий Лихачев, Леонид Баткин, Вадим Рабинович и другие. Каждый исследователь приносил свой особый исторический пласт: античность и Византия, Древняя Русь и итальянское Возрождение, - демонстрируя своеобразную целостность каждого культурного типа и одновременно, в отличие от шпенглеровской теории замкнутых культурных миров, их открытость, взаимопроницаемость. Это странствование по культурам отвечало назревшей общественной потребности преодолеть одиночество, самоизоляцию советского культурного организма. Ключевые понятия этой школы, оформившейся в противостоянии и марксизму, и структурализму, - "культура", "диалог", "символ", "инаковость", "многоголосие", "внезаходимость" - очерчивают методологию гуманитарных наук в их несводимости к естественным и общественным наукам. Разделяя структуралистскую тенденцию к научной

объективности, культурология вместе с тем отказалась от внедрения математических и кибернетических методов, разрабатывая особые критерии гуманитарной точности и заново обращаясь к наследию духовно-исторической школы, к исканиям герменевтики. Этим ознаменовался постепенный кризис научно-технического рационализма, неуклонно проходящий через всю русскую мысль с середины 1970-х годов.

В 1980-е годы сильнейшие позиции в общественном сознании занимают религиозно-мистическое и национально-почвенническое направления. Порой они резко расходятся, как, например, в экуменической христианской философии о. Александра Меня, подчас же смыкаются между собой, как у некоторых последователей Николая Рериха, Ивана Ильина, Александра Солженицына. Показательна судьба других направлений. Марксизм и структурализм начинают восприниматься как давно отжившие парадигмы мышления, связанные с идеей прогресса и революции (социальной или научно-технической). Культурология, с ее пафосом дальних интеллектуальных странствий, сохраняет, но не укрепляет свои позиции, поскольку акцент все более переносится на драматические противоречия внутри страны. Персонализм и плюрализм, одерживая победы в общественном сознании, определяя политический процесс в эпоху гласности и перестройки, в то же время утрачивают философскую глубину и экзистенциальную напряженность. Истины плюрализма превращаются в расхожие монеты мелкого публицистического чекана. Как ни парадоксально, именно общественный успех персонализма и либерализма подрывает его значение для ищущей современной мысли.

(8) Концептуализм и постструктурализм.

Вместе с тем на русскую интеллектуальную сцену в 1980-е годы выходит новое направление, которое отчасти наследует и персонализму, и структурализму, и культурологии, но переводит все их ценности в другое, вторично-рефлексивное измерение. Это концептуализм, разыгрывающий комедию мыслительных универсалий во всевозможных жанрах письма и поведения: выставки-тексты Ильи Кабакова, коллективные действия группы Александра Монастырского, поэтические и романтические концепты Дмитрия Пригова, Владимира Сорокина, инспекционная практика группы "Медицинская герменевтика"... Все это сопровождалось критическими и философскими комментариями, да и сама предметно-художественная деятельность рассматривалась как форма постмодернистской рефлексии, которой изобилуют тексты Ильи Кабакова, Виталия Комара и Александра Меламида и которая в чистом виде представлена в теоретических работах Бориса Гройса. В концептуализме каждая вещь, жест, поступок, художественное произведение становится "концептом", т.е. мыслительным актом, иронически созерцающим собственную предметность, и в этом смысле поле философской рефлексии беспредельно расширяется. Русский концептуализм воспринял такие черты западного постмодернизма, выраженные особенно в философии Ж. Деррида и Ж. Бодрийера, как полная игровая децентрализация и деконструкция всех структур, обнаружение в любом подлиннике черт искусной подделки и симуляции, включая реальность как таковую. Важно указать и на

некоторую близость концептуализма буддистской рефлексии, последовательно вычленяющей мнимые значения и значимые пустоты в слоях предметного мира.

Вместе с тем концептуализм оказался характерно российским явлением, поскольку обнажил усиленно идеологическую, вторично-рефлективную природу отечественной реальности, традиционно исходившей из схемы, плана, абстракции и создававшей в результате химерические предметы-концепты, к каким относится, в частности, советская цивилизация. Иными словами, если на Западе реальность, стараниями ученых, технологов, политиков, прагматиков и позитивистов, плотно подогнана к идее, то в России остается грубый шов между ними, идея "торчит" из реальности, как улика ее вторичности, "сделанности", так что концептуализм находит богатую пищу в отечественной истории. Это философия мусорной свалки, разложившейся реальности, выпавших в никуда великих идей, сведенных к пародийному самоповтору.

К началу 1990-х годов, по мере того как религиозная мысль и почвенничество все шире расходились в массовом сознании, приобретая характер идеологий и политических движений, концептуализм остался практически единственной рафинированной философией, удержавшейся в рамках свободной рефлексии и комически-бытовой метафизики. Правда, критическая острота концептуализма, играющего знаками разных идеологий и обнажающего их смысловую пустоту, сходила на нет по мере всем очевидного краха советской идеологии, - но одновременно и восстанавливалась в условиях растущей активности других идеологий, постепенно автоматизирующихся до самоповтора, где с ними и начинает работать концептуализм.

Еще одно, более академическое направление постструктуралистской мысли, сложившееся несколько позже, в 1990-е годы, было представлено Лабораторией неклассической философии в московском Институте философии РАН и кругом авторов, объединенных издательской серией Ad Marginem - Валерий Подорога, Михаил Рыклин, Михаил Ямпольский, Елена Петровская. Источник вдохновения для этого круга - теории французского постструктурализма, а основные темы исследования - коммуникативная стратегия письма и чтения, феноменология телесности и пространственности.

Выделенные *восемь направлений*: (1) гуманизированный и национализированный марксизм, (2) неорационализм и структурализм, (3) философия национального духа, (4) персонализм и либерализм, (5) православная христианская мысль, (6) эзотеризм и космизм, (7) культурология, (8) концептуализм и постструктурализм, - как мне представляется, охватывают большую часть значительных явлений русской мысли второй половины XX века. Разумеется, любая классификация условна, и один автор может быть поставлен в связь сразу с несколькими направлениями. Например, на бахтинское наследие могут с равными правами претендовать и философия культуры, и философия персонализма; ряд его идей был усвоен и такими противоположными

течениями, как структурализм и почвенничество. Работы Андрея Синявского обнаруживают мягкие, плавные переходы между экзистенциальными и постструктуральными парадигмами мышления.⁵ Точно так же круг идей Георгия Гачева соприкасается и с персонализмом, и с культурологией, и с космизмом, и с философией национального духа. Можно сказать, что историко-философское исследование должно строиться в двух координатах: на одной рассматривается направление как некая целостность, включающая творчество многих авторов; на другой творчество одного автора рассматривается как целостность, включающая взаимодействие разных направлений.

Следует особо отметить, что философская мысль второй половины XX века в самой России и в русском зарубежье представляет единый процесс и нуждается в цельном, обобщающем подходе. В отличие от первого послереволюционного периода, 1920-40-х годов, когда советская и эмигрантская мысль представляли два отдельных, расходящихся русла, в постсталинский период они постепенно сближаются и уже окончательно сливаются в "перестроечное" время. Такой "корифей" советской философии 1930-40-х годов, как академик М.Б. Митин, вряд ли может рассматриваться в рамках той же дисциплины, что и Н. Бердяев или Л. Шестов. Но Григорий Померанц, Андрей Синявский и Михайло Михайлов, работавшие соответственно в Москве, под Парижем и в Задаре (Югославия), принадлежат к одной интеллектуальной формации.

Освободительный смысл философии редко столь чисто проявлял себя, как в 1960-80-е гг. годы в России. Ведь само советское государство было порождением определенной системы идей, пытавшихся материально закрепить и увековечить свое господство над человеком. Поэтому мышление и воспринималось как деятельность антигосударственная, как акт самоосвобождения через осознание относительности господствующих идей. Мышление, пытаясь освободиться из плена идеократии, пыталось укорениться в мире подлинном, неотвлеченном, будь это экзистенциальное бытие личности, органическое тело и душа нации, эмпирическая достоверность науки или символическая многозначность культуры.

3. Идеи против идеократии. Платомарксизм

Западная академическая наука склонна с подозрением относиться к самому факту существования русской философии, особенно в ее советский период. В университетах ей не уделяют места в общих курсах по истории философии и крайне редко посвящают ей специальные курсы, причем на кафедрах славистики, а не философии. В лучшем случае русская философия проходит по разряду идеологии, публицистики, общественно-

---

⁵ См. М. Эпштейн. Синявский как мыслитель. Звезда, 1998, 2, С. 151-171.

исторической мысли. Но в таком подходе западная наука руководствуется слишком узким и предрассудочным определением самой философии, например, объявляя ее краеугольным камнем рефлексии Витгенштейна о языке и отвергая рефлексии Соловьева и Флоренского о Софии как далекие от собственно философской сферы.

Но что такое философия? Одно из самых известных и часто цитируемых, хотя и несколько эксцентрических определений принадлежит А. Уайтхеду: западная философия - это совокупность примечаний к диалогам Платона.⁶ Еще раньше Ралф Эмерсон отметил: "От Платона идет всё то, что до сих пор пишется и обсуждается среди мыслящих людей... Платон - это философия, и философия - это Платон, одновременно и слава, и позор человечества..."⁷

Но в таком случае русской философии, и особенно советского периода, принадлежит одно из почетных мест в истории мировой мысли, поскольку нигде учение Платона об идеях как основе государственного строя не воплощалось столь грандиозно и буквально, как в коммунистической России. В результате достигнутых успехов в полной философизации бытия, мысль становилась пленницей этих самых идей, приобретавших форму тотальной власти. Общее господствовало на частным. То, что обобщалось в мысли, обобществлялось и в бытии.

Россия никогда не играла особой роли в мировой философии, но философии суждено было сыграть исключительную роль в России. Эта асимметрия требует объяснения. Россия не столько производила философские идеи, сколько старательно внедряла их в общественное бытие и сознание. Россия - не рассадник новых идей, но место их завершения и воплощения (или превращения в утильсырье), где они обретают черты "философского града", "идеального государства", "страны мудрецов". Она же, по вполне понятным причинам, оказывается и "страной дураков": фигуры мудреца и дурака амбивалентно сливаются в образе русского юродивого, чудака, простеца, мечтателя. Россия оказалась той страной, где самые общие, абстрактные построения ума приобретали наглядное, предметное, а тем самым и пародийно-искаженное воплощение.

Марксизм был государственной философией России на протяжении 70 лет - пожалуй, нигде, кроме конфуцианского Китая, да еще вымышленного платоновского государства, философия не обладала таким весом в обществе. В советской России больше, чем в какой-либо другой стране и в другую эпоху, философия становилась субстратом самой действительности. Философия уничтожала отдельных философов именно потому, что приобретала черты сверхличного, универсального разума. Разум в своем безграничном господстве тождествен безумию, поскольку отличительным свойством разума, как писал еще Паскаль, является его способность к самоограничению. Россия страдала не от недостатка, а от

---

⁶ "Самая надежная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой ряд примечаний к Платону". Alfred North Whitehead, *Process and Reality*, New York, 1929, p. 63.

⁷ Ralph Waldo Emerson, *Representative Men*. Boston, 1881, pp. 43, 44.

избытка философизма, который проникал в каждую клеточку общественной и частной жизни, выстраивая ее по правилам диалектико-материалистического учения. Если в других странах высшей инстанцией и объявленной ценностью общественной жизни были религиозные верования, экономическая целесообразность, военная сила, то в России такой высшей инстанцией, на которую ссылались как на источник всякого политического авторитета, была именно философия - верность учению диалектического материализма и научного коммунизма. Именно в философии все политические, экономические и технические решения, не говоря о культурных, находили свое последнее обоснование - дальше, за пределы философии, двигаться было некуда. Правильное соотношение эпических и лирических элементов в поэзии или способы выведения новых сортов плодовых культур в сельском хозяйстве – все это определялось верностью философии диалектического и исторического материализма. Если у Платона и Гегеля идеи еще отчасти парили над миром, отвлекались в особую область Высшего Ума, Абсолютного Духа, то теперь они легли в основание всего: в строй хозяйственной деятельности и повседневной жизни, в ритуалы партийной чистки и субботники по очистке территорий. Диалектический материализм оказался орудием воинствующего идеализма, жаждущего все новых и новых жертвоприношений на алтарь великих идей.⁸

Вот почему господствующее интеллектуально-политическое движение советской эпохи следует называть не просто марксизмом, а **плато-марксизмом**, то есть таким идеализмом, который утверждает себя как закон самой материальной действительности. Если Платон, исходя из идеалистических предпосылок, пришел к системе коммунистического государства, то Маркс, исходя из коммунистических предпосылок, должен был прийти к системе жесткой государственной идеократии, что и осуществилось усилиями его учеников. Материализм стал идеологией, и словосочетание "материалистическая идеология" звучало вполне естественно для слуха советских людей, - столь же естественно должно звучать и понятие "платомарксизм". Платонизм был обратной стороной марксизма, его плохо скрываемой изнанкой, и последующий развал идеократического государства был в некотором смысле приговором для них обоих.⁹

---

⁸ Подробнее о борьбе идей с идеократией в поздней советской и постсоветской философии см. Mikhail Epstein. *Ideas against Ideocracy: the Platonic Drama of Russian Thought*, in *In Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia*, ed. by C. Bradatan and S. Oushakine, Lanham (MD): Lexington Books, 2010, pp. 13 – 36.

⁹ Как замечает Карл Поппер, "Марксово видение "царства свободы", т.е. частичного, но равного освобождения людей от пут их материальной природы, можно, скорее, охарактеризовать как идеалистическое" (Открытое общество и его враги, М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива", 1992. Т.2, с.124). В частности, он опирается на такое суждение Маркса из третьей части "Капитала": "Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства". (К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. 2, с. 387). Вообще, по мнению Поппера, в определении ряда ведущих

Сравнительно короткий, семидесятилетний период советской идеократии подводит итог более чем двухтысячелетним приключениям западной мысли, отправившейся вослед первофилософу Платону на поиск царства идей, его теоретического обоснования и практического осуществления. Среди всех "примечаний к Платону" эта бегущая наперерез строка - "советская философия" - выглядит особенно внушительно, ибо при внимательном рассмотрении она читается как "Конец".

* * *

Интеллектуальная история России послесталинского периода - это история мысли, которая пытается выбраться из собственной западни. Свободная мысль противится торжеству победившей мысли, системе "мыслеправства". Это история интеллигенции в ее борьбе с идеократией, т.е. с самой собой, с мертвенной властью идей, сковавших действительность в форме государственного мыследержавия.

До 1950-х годов мысль развевалась и застывала в формах государства, а с середины 50-х годов стала освобождаться от своих окаменелых структур. Даже марксизм в этот период пытается выбраться из плена марксизма, построить себя на других, гуманистических или националистических основаниях, сохраняя внешнее тождество классового и материалистического учения. Это самопротиворечивое движение мысли, сокрушающей фундамент собственных построений, составляет подлинную новизну российской философии данного периода. В ней нет свежести самостоятельного мышления, но не потому, что она заимствует западные идеи, а потому, что она прежде всего реагирует на победившую идеологию, то есть на мысль, воплощенную в реальности собственной страны. Это вторичность не по отношению к Западу, а по отношению к собственной, схоластической, искусственно сконструированной реальности.

На Западе, даже в XX веке, мысль все-таки прямо обращалась к бытию, лишь в последние десятилетия, в эпоху "пост", она замыкается сама на себе. В России мысль обращается сама на себя гораздо раньше, уже с 1920-х годов мыслители стали думать не о бытии, не о личности, не о времени и пространстве, а об идеях в их государственном воплощении - идеях материализма и идеализма, диалектики и метафизики, прогресса и реакции и т.д. Это была вторичность принципиальная: мышление пыталось философски проникнуть в смысл того, что оно же творило в качестве идеологии. Философствовать значило мыслить о мысли, воспроизводить, обличать, передразнивать ту мысль, которая была первичнее самой реальности. Советская философия вторична по отношению к советской реальности, которая сама вторична по отношению

Марксовых понятий, таких, как "истинная стоимость", по отношению к которой цена - это только "форма ее проявления", "достаточно ясно чувствуется влияние платоновского идеализма с его различением скрытой сущности, или истинной реальности, и акцидентальных, или иллюзорных явлений" (Цит. соч., сс. 204-205). Поппер прослеживает линию опосредованного влияния Платона на Маркса через Аристотеля и Гегеля.

к советской идеологии. Таково это единственное в истории кружение мысли на путях освобождения от самой себя.